

Кошелева А. И.

ДУХОВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СВЯЩЕННИКОВ РПЦ НА ПРИХОЖАН В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/45.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 6 (13): в 2-х ч. Ч. I. С. 117-119. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

- Kennan G.** Siberia and the Exile System. - New York, 1891. - 2 volumes. - 409 p; 575 p.
Nevinson H. W. The Dawn in Russia. - London, NY., 1906. - 350 p.
Noble E. Russia and Russians. - London - Boston - NY., 1900. - 285 p.
Martin R. The Future of Russia / Пер. с нем. - London, 1906. - 305 p.
Morfill W. R. Russia. - London, 1891. - 618 p.
Pares B. The Fall of Russian Monarchy. - NY., 1961. - 576 p.
Perris G.H. Russia in Revolution. - London, 1905. - 392 p.
Prelooker J. Russia: What she is and What she was. - London, 1904. - 157 p.
Sarolea J. The French Revolution and Russian Revolution. A Historical Parallel and Forecast. - London: University of Edinburgh, 1906. - 35 p.
Wallace D. M. Russia. - London, Paris, NY., Boston, 1905. - 528 p.

ДУХОВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СВЯЩЕННИКОВ РПЦ НА ПРИХОЖАН В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Кошелева А. И.

Пензенский государственный университет

Государственные и социально-экономические реформы второй половины XIX столетия внесли существенные изменения в основы жизни российского общества. В провинции влияние этих новаций стало заметно лишь годы спустя, и выразилось в усилении секуляризации культуры. В последней трети XIX в. у многих представителей образованного класса стали обнаруживаться признаки холодности к вере и недостаток благоговейного внимания к церковным постановлениям. Примеры вольномыслия и холодности ко всему церковному действовали вредно и на необразованный класс [Римский 1999: 196].

В этот период современники отмечали упадок морали. Лишь женщины, да и то не все, в полной мере соблюдали законы брачной жизни [Золотарев 1895: 5, 21]. Наблюдался рост незаконных сожительства, что являлось во многом следствием отходничества [Миронов 1999: 177]. Священники того времени отмечали, что их паства – православный по культуре, но по образу жизни религиозно не просвещенный народ. Прихожане в громадном большинстве своем не имели самого элементарного религиозного просвещения, не говоря о целостной системе православного вероучения и нравоучения. Не было никакой уверенности, что все они сознательно молились Богу, принимали Таинства и участвовали в богослужениях. Конечно, по своей жизни, по внутреннему настроению души, русский народ был глубоко проникнут христианскими началами, но отчетливых, сознательных религиозных понятий и представлений не имел [Церковный вестник 1904. № 18: С. 548].

Причину упадка религиозной жизни церковное начальство видело, в том числе, в недостаточной подготовленности пастырей и их неспособности влиять на прихожан. По словам обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, духовенство мало и редко учило, оно лишь служило и исполняло требы. Для людей неграмотных Библия не существовала [Победоносцев 1996: 353]. Ему вторил и архиепископ Херсонский Никанор: «Нашу веру в народе разумеют 5 из 95, да и эти пять стали появляться 30 лет тому назад, со времени повсюдного распространения народных училищ» [Смирнский 1905: 161-162].

В этой ситуации важнейшими задачами РПЦ стало усиление авторитета церковнослужителей в российском обществе, распространение догматических знаний о православии, а также религиозно-нравственное воспитание прихожан. В 1880-х гг. РПЦ активизировала усилия по развитию сети церковных периодических изданий, и открытию всевозможных церковных обществ [Беликова 2004: 75]. Синод юридически узаконил совершение торжественных богослужений, чтений акафистов и душеполезных книг народу в воскресные и праздничные дни.

Во время внебогослужебных бесед раскрывались догматические истины православно-христианской веры и нравственные христианские правила, экстраполированные на практическую жизнь паствы. Тематика, программа и цель бесед формулировались самим духовенством. Весьма распространенной была практика чтения фрагментов из книг церковной библиотеки, и особенно из Библии, посредством которых выяснялись истины и правила православно-христианской жизни. При этом вероучительный характер бесед обязательно должен был сопровождаться нравственными наставлениями, для чего разъяснялся закон Божий, практиковалось отчетливое чтение Символа Веры, разучивание всеми слушающими молитв.

Церковное начальство епархий стремилось активизировать проповедническую работу духовенства. Так, епископ Пензенский и Саратовский в своем обращении к благочинным указывал на необходимость неотложного и обязательного произнесения настоятелями церквей Слова Божия во все воскресные и праздничные дни. При этом допускалось пользование готовыми поучениями, адаптированными для чтения в народной среде [Смирнов 1880. - №16: 8].

Обсудив ситуацию на съездах или изложив собственные соображения, благочинные епархии направляли рапорты в ответ на предложение Его преосвященства. Из них следовало, что требовалось реализовать программу специальных мер, поскольку далеко не все пастыри относились к долгу проповедничества с надлежащим усердием и вниманием.

В целом пастыри были разделены на три группы. К первой относились те, что и без нажима сверху добросовестно проповедовали православные истины своей пастве. Таковых, по заключению автора доклада, было большинство. К сожалению, с бюрократической точки зрения их труд был неочевиден, поскольку проповедники не вели записи своих речей. Лишь обращения собственного сочинения они передавали цензорам. Поучения же, взятые из печатных книг, не фиксировались.

Вторую группу составляли священники, формально исполнявшие свои проповеднические обязанности. Собственные проповеди они писали редко, лишь для исполнения повинности, и «в один присест» – за неделю до оглашения. Они активно пользовались печатными книгами. Но особенность и сила проповеди состояла в живом общении пастыря с народом. Чтобы быть действенной, церковная проповедь должна согласовываться с проблемами и потребностями прихожан. В одной местности преобладали одни пороки, в другой – иные. И священник должен был говорить о предметах, разъяснение которых требовалось в данной ситуации слушающему его народу.

Наконец, меньшая часть настоятелей вовсе не имела обыкновения обращаться к прихожанам с амвона. Ежегодно для цензуры они переписывали несколько рукописных проповедей, доставшихся им от предыдущего батюшки. В свое оправдание они указывали благочинным на отсутствие всякой пользы церковных поучений для слушателей. При этом написание проповедей было тяжким бременем для священников. Большинство нерадивых проповедников имело безуспешный опыт воззваний к пастве, что стало причиной их разочарования в этой деятельности [Смирнов 1880 - № 16: 8-9].

Невнимание пастырей к проповеди объясняется, пожалуй, рядом факторов. Создание яркого, образного поучения действительно требовало много времени и сил, а также творческих способностей, которыми обладали далеко не все. Сказывались и последствия кризиса церковного образования. В массе своей семинаристы по окончании курса уходили в университеты, учительствовали или нанимались в чиновники. Лишь 10-15% выпускников оставалось на службе Церкви [Митрополит Вениамин 1994: 94]. Причем далеко не все делали это по зову сердца и призванию. Довольно часто этому просто способствовали обстоятельства. А если настоятель редко обращался к пастве с поучениями, которые, к тому же, не были проникнуты одушевлением и глубоким убеждением, не имели отношения к религиозно-нравственным потребностям аудитории, то они выслушивались неохотно [Смирнов 1880 - № 16: 13]. Проповедники должны были также учитывать особенности слушателей. Сельский люд, не привыкший к умственной работе, не мог долго фокусироваться на речи священника и дослушивать длительные выступления до конца. Поэтому поучения не должны были превышать объем в два-три печатных листа [Смирнов 1880 - № 16: 13].

Важно и то, что помимо своих прямых обязанностей по службе, православное духовенство выполняло массу поручений гражданской власти. Наряду с органами полицейского сыска, клирики участвовали в духовном надзоре за благочинием: наблюдали за раскольниками, бродячими монахами и священнослужителями, за разгласителями суеверий. Кроме того, в обязанности священников входило провозглашение и разъяснение царских указов, успокоение народного недовольства, то есть бюрократические функции, совершенно им не свойственные. Православное духовенство также вело книги прихода и расхода денежных средств, метричные, исповедальные, а также сборники служебной и статистической информации, клировые ведомости, описи церковного имущества [Синельников 2005: 59], подавали сведения о количестве православных в своей местности.

Кроме обширнейшей отчетности для духовной консистории, к пастырю обращались с требованиями и запросами всевозможные ведомства и учреждения: ученые и учебные, военные, земские, санитарные, статистические, сельскохозяйственные и другие. За невыполнение обязанностей или ошибки в подаваемых сведениях и отчетах, связанных с государственной деятельностью, духовенство привлекалось к суду, подвергалось штрафу и наказанию, священник мог быть лишен прихода или посажен в монастырь [Левитов 1909 - №29: 885]. Эта деятельность обременяла пастырей, отвлекая их от непосредственных обязанностей, не позволяла усердствовать в личном подсобном хозяйстве или подрабатывать. Словом, физически и умственно напряженная деятельность не только не оплачивалась, но и препятствовала различным видам подработки, столь необходимым материально обремененным священникам.

Однако епархиальное начальство не приняло во внимание чрезмерную загруженность приходского духовенства. Для активизации проповеднической деятельности благочинные рекомендовали завести при каждой церкви особую книгу – «проповеднический журнал». В ней следовало фиксировать факт произнесения проповеди в воскресный или праздничный день, а также кто был ее автором, кто ее озвучил, и о чем было поучение. Авторы проекта предполагали, что журналы будут ежегодно предоставляться цензору, а потом епископу [Смирнов 1880 - № 20: 2].

По их мнению, посредством журналов можно было выявить священников, искренно выполняющих проповеднический долг, определить наиболее способных из них, а нерадивых ораторов заставить разобрать церковную библиотеку и иметь под рукой лучшие руководства. Благочинные справедливо указывали, что такого рода отчетность увеличит частоту произнесения проповедей настоятелями. Однако улучшить качество воззваний она едва ли могла.

Таким образом, в 1880-х гг. духовно-нравственная деградация православного общества стала очевидной проблемой, как для церковных, так и для светских властей. Прихожане в массе своей не только не имели целостной системы православного вероучения, но даже элементарных знаний религиозных догм. РПЦ активизировала просветительскую деятельность посредством развития сети церковных периодических изданий,

открытия разного рода церковных обществ и совершения торжественных богослужений и бесед. При этом важнейшим средством просвещения и поучения по-прежнему оставалась проповедь. Однако причины недобросовестного отношения пастырей к проповеднической деятельности не были проанализированы в должной степени, и возможность освобождения священников от части несвойственных им обязанностей не рассматривалась. Тенденция формального отношения к проповеди значительной части священников сохранилась.

Список литературы

- Беликова Н. Ю.** Православная Церковь и государство на Юге России (конец XIX – первая треть XX вв.). - Краснодар, 2004.
- Золотарев Л. А.** Супружеские измены, их значение и причины. - М., 1895.
- Левитов П.** О наградах и наказаниях для духовенства // Церковный вестник. - 1909. - № 29.
- Миронов Б. Н.** Социальная история России периода империи (XVIII - начало XX): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. - СПб., 1999. - Т. 1.
- Митрополит Вениамин (Федченков).** На рубеже двух эпох. - М., 1994. - С. 94.
- Победоносцев К. П.** Московский сборник // Победоносцев К. П. Сочинения. - СПб., 1996.
- Римский С. В.** Российская церковь в эпоху великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х гг.). - М., 1999.
- Смирнский П. свящ.** Мысли сельского священника о всенародном пении в храме // Московские церковные ведомости. - 1905. - № 14.
- Синельников С. П.** Церковно-приходские летописи конца XIX – начала XX вв. в госархиве Вологодской области // Отечественные архивы. – 2005. - № 4.
- Смирнов Н.** О мерах к развитию проповедничества в Пензенской епархии // Пензенские епархиальные ведомости. – 1880. - № 16.
- Смирнов Н.** О мерах к развитию проповедничества в Пензенской епархии // Пензенские епархиальные ведомости. – 1880. - № 20.
- Церковный вестник.** - 1904. - № 18. - 29 апреля.

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ, ИЛИ ВКЛАД ЖЕНЩИН КАРЕЛИИ В ПОБЕДУ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Крылова Р. И.

Карельский государственный педагогический университет

Начальная строка названия настоящей статьи, как легко догадаться, соотнесена с названием широко известной повести Светланы Алексиевич «У войны не женское лицо». Всем строем повествования, изображением человеческих судеб героев писательница утверждала: война – не женское дело; трагизм событий Великой Отечественной войны определялся и тем, что женщины в массовом масштабе должны были включиться в жесточайшую схватку с фашистской империей смерти. Другими словами, перефразируя название упомянутого выше произведения, можно сказать, что у пережитой нашим народом в 1941 – 1945 годах войне было и женское лицо. Об этом свидетельствуют приводимые в статье живые факты и сухой язык статистики.

Многогранная деятельность женщин Карелии по оказанию помощи фронту имела ряд специфических особенностей, обусловленных суровыми климатическими условиями, непосредственной близостью к фронту районов, не занятых врагом, и напряженностью в обеспечении народного хозяйства квалифицированными кадрами. Эти же обстоятельства придавали особую ценность выпускаемой тружениками тыла продукции, которая сразу поступала на фронт.

Призыв квалифицированных рабочих в Красную Армию и эвакуация значительной части населения республики в тыловые районы страны породили на многих предприятиях большую нехватку рабочих рук. В лесной промышленности из занятых в ней накануне Великой Отечественной войны 45 тысяч рабочих к концу 1941 г. Осталось на лесозаготовках немногим более 3 тысяч [История Карелии с древнейших времен 2001: 599]. Серьезные затруднения испытывала и рыбная промышленность: около 80% рыбаков республики ушли на фронт.

Одним из источников пополнения трудовых ресурсов стало вовлечение в общественное производство женщин.

Роль женщин интенсивно возрастала в ведущих отраслях лесной, деревообрабатывающей и рыбной промышленности.

До войны на лесозаготовительных предприятиях республики женщины составляли 25% от общего числа рабочих. К концу войны количество женщин-лесорубов достигло 80% [НАРК Ф.1411. оп. 2. д. 34/413, л. 19-20] на отдельных предприятиях доля женского труда была еще выше.

Газеты военных лет неустанно напоминали: каждое заготовленное бревно – удар по врагу. Потребность в лесе в годы войны не сокращалась, наоборот, намного увеличилась. Чтобы удовлетворить потребность фронта в древесине в сложных условиях войны в неосвоенных лесных массивах северо-востока республики были организованы новые предприятия. В зоне железнодорожной линии Сорокская – Обозерская был со-